

Внешнеполитическая идентичность ОАЭ: авторитаризм, космополитизм, «ВЗАИМОСВЯЗАННОСТЬ»

Тюкаева Татьяна Иршатовна, ИМЭМО имени Е.М. Примакова,
Москва, Россия

Контактный адрес: tatyana-tyukaeva@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена изучению феномена внешнеполитической идентичности Объединенных Арабских Эмиратов (ОАЭ), небольшого нефтедобывающего государства в Персидском заливе, которое сумело достичь несоразмерных географическим масштабам успехов и поднять свой престиж на глобальном уровне. Исследуются исторические и культурные основы ее формирования, личностный фактор, выраженный в определяющей значимости роли правителя в формулировании основных контуров самоопределения и самопозиционирования малой монархии в региональном и международном контекстах, восприятие ключевых вызовов и угроз и способы реагирования на них, а также использование политической идентичности эмиратским руководством в реализации интересов страны. Отмечается, что основы внешнеполитической идентичности ОАЭ были заложены еще в период правления первых эмиров малой монархии и затем адаптированы и развиты новым поколением харизматичных и амбициозных лидеров с глобальным видением. Ключевое значение при этом имело слияние видений правителей двух эмиратов, наиболее весомых в политической и экономической жизни страны, – Абу-Даби и Дубая, что предопределило закрепление статуса ОАЭ на региональном и международном уровне как влиятельного и авторитетного игрока. Автор резюмирует, что главными компонентами эмиратской внешнеполитической идентичности, формулирование и успешное использование которой позволило малой монархии преодолеть объективные географические ограничения и уверенно отстаивать собственные подходы и интересы, проводя самостоятельный курс, стали прагматизм, приоритизация задач обеспечения социально-экономического развития и процветания, гармоничное сочетание консервативных ценностей и методов управления с идеями космополитизма, ориентация на принципы взаимосвязанности и включенности в глобальные финансовые и логистические цепочки и ключевые политические структуры мирового устройства, а также способность к адаптации к происходящим трансформациям баланса сил и умелой интерпретации международных норм и дискурсов в продвижении собственной повестки и имиджа.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

малые монархии Персидского залива, ОАЭ, внешнеполитическая идентичность, Ближний Восток, экономическое процветание, взаимосвязанность, модернизация

Введение

ОАЭ, малая нефтедобывающая монархия, долгое время существовавшая в тени своих мощных соседей и практически не имевшая интересов за пределами субрегиона Залива, с начала 2010-х гг. превращается в значимого игрока региональных процессов, параллельно проецируя свое военно-политическое и экономическое влияние не только в рамках Ближнего Востока и Северной Африки, но и в глобальных масштабах. Весьма стремительный триумф мирового уровня не может не вызывать исследовательский интерес и делает актуальным вопрос о сущности эмиратской внешнеполитической идентичности.

Тематика политической идентичности государств все чаще становится объектом изучения российских¹ и зарубежных² исследователей как «одна из ключевых характеристик общественных отношений, [...] влияющая на внешнеполитическое поведение различных акторов»³ международных процессов. Трансляция идентичности вовне не только определяет характер, основные принципы и задачи внешней политики государств, но и представляется эффективным инструментом в реализации ими своих интересов как на национальном, так и на мировом уровне. И от успеха конструирования внешнеполитической идентичности в значительной степени зависит прогресс государства в решении задач собственного социально-экономического развития и обеспечения безопасности. Российский исследователь И.Л. Прохоренко определяет внешнеполитическую идентичность как «идеи и представления, порой мифологизированные, о сложившемся и / или желаемом миропорядке, о месте, роли и статусе государства в мире, о его реальных и потенциальных союзниках, соперниках и врагах, о его ресурсах внешней политики»⁴.

Изучению различных аспектов политической идентичности все чаще уделяется внимание и в исследованиях, посвященных странам Ближнего Востока⁵: в них достаточно комплексно рассматриваются исторические и этнорелигиозные основы формирования идентичности государств и обществ региона как в целом, так и в отдельности, использование идентичностей в конфликтах, фактор внешнего влияния, а также особенности трансформаций их самовосприятия и позиционирования в современных условиях. Однако тема конструирования внешнеполитической идентичности стран региона исследуется преимущественно на примерах традиционных ближневосточных «тяжеловесов» – в первую очередь Турции, Саудовской Аравии и Ирана, тогда как малые монархии Залива, в частности ОАЭ, остаются практически без внимания. Между тем представляется, что феномен этого государства, стремительно ворвавшегося в ряды региональных лидеров с глобальной повесткой, его заслуживает.

По мере региональной и международной активизации ОАЭ количество отечественных и особенно зарубежных работ, посвященных их внешней политике,

1 Идентичность: личность, общество, политика 2023; Политическая идентичность и политика идентичности 2011; Семенов 2011.

2 Identity Politics in the Age of Globalization 2010; Dalgliesh 2013; Analyzing Identity 2003.

3 Звягельская et al. 2020.

4 Прохоренко 2017.

5 См., например: Кузнецов 2019; Звягельская et al. 2019; Ближний Восток: Политика и идентичность 2020; Fakh, Khayat 2022; Watkins 2020; Gulf Cooperation Council Culture and Identities in the New Millennium 2020.

за последнее десятилетие заметно возросло. Многие из них так или иначе затрагивали отдельные аспекты самопозиционирования малой монархии. Так, К. Ульрихсен¹ исследует региональную политику двух малых монархий – ОАЭ и Катара – в ходе «арабской весны», уделяя особое внимание экономическим и личностным факторам роста их влияния. Интерес представляет также и другая (из большого числа работ автора, посвященных теме внешней политики малых монархий Залива) работа исследователя², в которой он в историческом разрезе изучает внутренние и внешние факторы эволюции эмиратского государства и его становления в качестве влиятельного игрока регионального и международного масштаба. Д. Уоррен³ большое внимание уделяет исламскому компоненту в эмиратской и катарской внешнеполитической активности – также на примере событий «арабской весны». В свою очередь, Р. Миллер и Г. Верховен⁴ выявляют, каким образом Абу-Даби и Дохе удалось преодолеть ограничения своих географических масштабов, определяя внешнеполитическую логику и инструментарий ОАЭ как «видение *DP world*». Отдельного упоминания заслуживает работа О. Антви-Боатенга и М. Бинхувейдина⁵, посвященная внутренним факторам эмиратской «исключительности». В российских работах внешняя политика ОАЭ нечасто становится темой исследования и преимущественно изучается в контексте общих направлений развития монархий Залива⁶.

Между тем, как представляется, тема эмиратской внешнеполитической идентичности требует самостоятельного и комплексного исследования. Цель данной статьи заключается в выявлении ключевых компонентов внешнеполитической идентичности ОАЭ и способов ее использования в реализации национальных интересов и амбициозных задач в регионе и в мире.

Основы политической идентичности ОАЭ

Современное государство ОАЭ было создано в 1971 г., когда шесть глав шейхств Персидского залива Договорного Омана, находящихся под британским протекторатом, приняли решение о создании единой федерации (седьмой, Рас-эль-Хайма, присоединился в феврале 1972 г.) – в условиях ухода из региона Британии, их главного гаранта безопасности, и осознания шейхами необходимости объединиться для противостояния внешним угрозам.

В рамках единого государства семь эмиратов во главе с самым богатым и сильным в военном отношении Абу-Даби и традиционно конкурирующим с ним, вторым по значимости, Дубаем долгое время стремились сохранить свою автономию, в первую очередь контроль над природными ресурсами и собственные вооруженные силы⁷. Каждый из эмиратов имел свою правящую семью, политические элиты и даже внешнеполитические взгляды, нередко противоречащие другим в составе федерации. Так, в ходе ирано-иракской войны 1980–1988 гг.

1 Ulrichsen 2012.

2 Ulrichsen 2017.

3 Warren 2021.

4 Miller, Verhoeven 2020.

5 Antwi-Boateng, Binhuwaidin 2017.

6 Мелкумян 2020; Мелкумян 2021.

7 Miller, Verhoeven 2020; Shahrour 2020.

четыре эмирата, включая Абу-Даби, выступали в поддержку Багдада, тогда как остальные три во главе с Дубаем – в силу развитых торговых отношений с Ираном – больше склонялись в пользу Тегерана¹. В сложившихся условиях основополагающим для поддержания внутреннего единства страны стал принятый отцами-основателями ОАЭ принцип консенсуса в процессе принятия решений², институционально воплотившийся в Высшем совете федерации – главном органе в системе государственного устройства, объединяющем глав семи эмиратов для формулирования общей политики малой монархии Залива. Ключевые роли в политической системе управления были закреплены за Абу-Даби, чей эмир занимает должность президента ОАЭ, и Дубаем, главе которого отводится пост премьер-министра.

В большинстве арабских государств роли национального лидера принадлежит определяющее значение в формировании контуров политической идентичности страны. Для ОАЭ таким лидером стал эмир Абу-Даби, основатель и первый президент (1971–2004) малой монархии Шейх Зайид бин Султан Аль Нахайян. Успешно балансируя центробежные тенденции и самостоятельную экономическую и внешнеполитическую деятельность семи эмиратов³, он заложил основу для успешной эволюции ОАЭ как прагматичного и прогрессивного государства – основу, на базе которой его сын, третий, нынешний президент страны Мухаммед бин Зайид смог обеспечить современный триумф малой монархии в региональных и глобальных масштабах. Не меньшего внимания заслуживают фигуры первого (в составе ОАЭ) эмира Дубая (1971–1990) Шейха Рашида бин Саида Аль Мактума, а также его сыновей, главным образом Шейха Мухаммеда бин Рашида, которым столица эмирата обязана своим восхождением на общемировом уровне как «самый космополитичный город с наиболее диверсифицированной экономикой в Заливе»⁴.

Новое поколение эмиратских лидеров в лице Мухаммеда бин Зайида и Мухаммеда бин Рашида можно отнести к категории тех, кого российский историк и специалист по Ближнему Востоку И.Д. Звягельская определяет как «меняющих реалии». «Преодолевая сопротивление недовольных и не церемонясь с оппозицией», они в опоре на консервативные методы готовы проводить реформы и успешно «переосмысливают представления о целях национального развития»⁵. Кроме того, в отличие от отцов-основателей, склонных к сдержанности и принципу консультативности в процессе принятия решений, новое поколение более «мятежно» и предпочитает делать ставку на более агрессивные методы в отстаивании своих интересов⁶.

После смерти эмира Дубая Шейха Рашида в 1990 г. новые лидеры эмирата поставили цель превращения его в «глобальный город», приняв приоритетом сконцентрироваться на развитии экономической мощи в противовес традиционной политической конкуренции с Абу-Даби «до тех пор, пока это не мешает

1 Roberts 2017.

2 Antwi-Boateng, Binhuwaidin 2017.

3 Miller, Verhoeven 2020.

4 Roberts 2017.

5 Звягельская 2024.

6 Shahrouf 2020.

им в реализации их интересов». Окончательно доминирование Абу-Даби закрепилось в 2009 г., когда в ходе глобального финансового кризиса Дубай оказался на грани банкротства и был спасен многомиллиардным пакетом помощи, предоставленным им столичным эмиратом в обмен на политические уступки¹.

Параллельно с этим, после смерти первого президента монархии Шейха Зайида в 2004 г. начинается политическое восхождение и рост влияния в управлении страной Мухаммеда бин Зайида, формально занявшего пост наследного принца эмирата при эмире и втором президенте Халифе, его старшем брате, но ставшего де-факто лидером ОАЭ (в особенности после 2014 г. на фоне ухудшения здоровья официального главы государства). Амбициозный и харизматичный выпускник британской Королевской военной академии Сандхерста, Мухаммед бин Зайид считал необходимым «наращивать региональную и глобальную политическую роль страны в соответствии с ее экономическими трансформациями»² и сделал ставку на развитие военного потенциала монархии. Он не только консолидировал власть ОАЭ в своем эмирате, но и взял курс на укрепление «ультраавторитаризма»³, сконцентрировав управление и процесс принятия решений в рамках узкого круга своих ближайших родственников – «один из наиболее стойких пережитков бедуинской традиции»⁴.

Эмиратские лидеры не раз отмечали в своих заявлениях, что демократия в ее западных трактовках, прежде всего с точки зрения участия граждан в процессе государственного управления, «не подходит для ОАЭ»⁵. В их понимании демократия должна служить «средством достижения благосостояния народа»⁶, и в этом смысле авторитарное политическое устройство рассматривается ими как «*обязанность правителя* заботиться о своих соплеменниках» – в условиях их крайне ограниченных политических прав «обеспечивать потребности государственного строительства и общественное благо»⁷. Другими словами, авторитаризм, как его видят эмиратские лидеры, есть обязательное условие для поддержания безопасности и процветания страны.

Угрозой стабильности и экономическому развитию государства лидеры ОАЭ традиционно видят исламистов – с точки зрения как их организационного потенциала мобилизовать оппозиционному правителю движение, так и их идеологии. Эмиратское руководство не верит в существование умеренного исламизма, адептами которого себя позиционируют, в частности, «Братья-мусульмане»⁸ – крупнейшая транснациональная организация политического ислама, и считает их деятельность и идеологию наряду с радикализмом таких террористических формирований, как ИГИЛ или «Аль-Каида»⁹, «двумя сторонами одной медали»¹⁰.

1 Shahrour 2020.

2 Miller, Verhoeven 2020.

3 Ibish 2017.

4 Звягельская 2024.

5 First Media E-Session with the Prime Minister, "Sheikh Mohammed, April 18, 2009, accessed February 12, 2024, <https://sheikhmohammed.ae/en-us/news/details?nid=22787&cid=Interviews+with+His+Highness#>.

6 Antwi-Boateng, Binhuwaidin 2017.

7 Звягельская 2024.

8 Организация запрещена на территории РФ.

9 Организации запрещены на территории РФ.

10 Ibish 2017.

Проникновение «умеренных» исламистов в ОАЭ в 1970-е гг. было обусловлено, как и в других монархиях Залива, проблемой нехватки квалифицированных кадров в молодых государствах. Традиционно гонимые в большинстве арабских стран (в первую очередь, в Египте) и, как правило, высоко образованные, они прибывали в ОАЭ в качестве учителей, управленцев, проповедников, создав свой филиал в Дубае в 1974 г., и стремительно начали закреплять свое присутствие на министерских позициях в сферах образования, труда и социального обеспечения, юстиции, религии и религиозной собственности. Параллельно они наращивали давление на эмиратские власти с требованием реформ и критикой «неисламских практик», особенно в космополитичном Дубае¹. В отличие от богатых Абу-Даби и Дубая, остальные пять более бедных эмиратов, особенно остро ощущающих проблемы социально-экономического неравенства в стране, стали благодатной почвой для распространения идей «Братьев»². Попытки эмиров договориться с исламистами об ограничении их деятельности в политической и социальной сферах не принесли успехов. А теракты 11 сентября 2001 г. в США, участниками которых оказались два эмиратца, стали огромным потрясением для малой монархии и послужили триггером для массовых антиисламистских кампаний внутри страны, включая чистки кадров, аресты, депортации, а также реформы системы образования и усиление контроля над мечетями. Мухаммед бин Зайид, рьяный борец со всеми проявлениями исламизма, вывел антиисламистскую борьбу на беспрецедентно масштабный уровень, что в том числе во многом определило внешнюю политику ОАЭ в 2010-е гг.

Таким образом, принципы прагматизма, авторитаризма, антиисламизма и приоритизации стабильности и экономического процветания сформировали контуры политической идентичности ОАЭ. Кроме того, слияние видений правителей двух ключевых эмиратов – Абу-Даби с его акцентом на военно-политическую мощь и Дубая с его космополитизмом – предопределило успех международного самопозиционирования малой монархии.

Внешняя политика, безопасность и самопозиционирование

Первые десятилетия своего существования в качестве независимого государства ОАЭ, концентрируясь на задачах выстраивания системы внутреннего управления и экономического развития, фактически не имели самостоятельной внешней политики, а их интересы едва ли выходили за пределы субрегиона Залива, ограничиваясь экспортом нефти, предоставлением гуманитарной помощи, причем преимущественно арабским странам, а также некоторым участием в посредничестве в ходе региональных конфликтов. Главным источником потенциальных угроз малая монархия видела соседствующих с ней региональных «тяжеловесов» в лице Саудовской Аравии, принудившей в середине 1970-х гг. ОАЭ к отказу от части своей территории и расположенного на границе между

1 Roberts 2017.

2 Организация запрещена на территории РФ.

ними нефтяного месторождения¹, и Ирана (даже до Исламской революции), который накануне провозглашения создания эмиратского государства захватил три острова, принадлежавших двум бывшим шейхствам в составе Договорного Омана.

Двумя опорами обеспечения безопасности ОАЭ прагматично избрал союз с Саудовской Аравией (во многом сохраняющий свою важность и сегодня) и членство в созданном в 1981 г. Совете сотрудничества стран Залива (ССАГПЗ), в рамках которого малая монархия «молчаливо» принимала лидерство Эр-Рияда. Значимым элементом внешней политики ОАЭ при президентстве Шейха Зайида была принадлежность к арабской нации и солидарность с общеарабской повесткой (в первую очередь в арабо-израильском конфликте)².

Первым потрясением, оказавшим кардинальное влияние на эмиратскую внешнеполитическую идентичность, стали события Кувейтского кризиса 1990–1991 гг., который не только обострил опасения относительно потенциальной агрессии сильных соседей против малых монархий, но и показал несостоятельность Саудовской Аравии как гаранта безопасности. ОАЭ (как и другие монархии Залива) с начала 1990-х гг. – не отказываясь от союза с Эр-Риядом – в качестве главного гаранта безопасности избирают США, подписав с ними первое оборонное соглашение в 1994 г. и открыв доступ для американских ВВС и ВМС на военно-воздушную базу в Абу-Даби (Эд-Дафра) и в один из крупнейших в мире глубоководных портов Джебель Али в Дубае. В 1995–1996 гг. соглашения о сотрудничестве в сфере обороны ОАЭ подписали также с Францией и Великобританией.

Наиболее важной стороной активизированного ОАЭ военно-технического сотрудничества с западными государствами были регулярные совместные учения и участие в военных кампаниях, что отвечало поставленной Шейхом Зайидом задаче по укреплению потенциала эмиратских вооруженных сил³. Так, малая монархия стала единственной арабской страной, участвовавшей почти во всех кампаниях США начиная с Кувейтского кризиса – в Афганистане, Ливии, Сомали, Боснии, Косово, а также против ИГИЛ.

Вторым потрясением, во многом определившим направления развития внешней политики ОАЭ, стали теракты 11 сентября 2001 г. в США, которые не только послужили спусковым крючком для активизации борьбы против исламизма внутри страны, но и придали дополнительный импульс расширению эмиратских международных дипломатических связей и их институционализации – во многом в стремлении улучшить свой имидж посредством демонстрации категоричной позиции руководства малой монархии по проблеме терроризма. В частности, до 2000 г. монархия имела свои дипломатические представительства менее чем в 70 странах, а приоритет отдавался развитию персональных отношений между ключевыми лидерами ОАЭ и главами наиболее важных государств – очередной пример бедуинской традиции⁴.

1 Miller, Verhoeven 2020.

2 Warren 2021.

3 Sherwood 2017.

4 Ibish 2017.

Наконец, третьим потрясением послужили события «арабской весны», не только кардинально дестабилизировавшие Ближний Восток и расшатавшие авторитарные режимы, которые служили опорами региональной стабильности, но и ставшие трамплином для политического прорыва «умеренных» исламистов в целом ряде стран. Серьезным откровением для эмиратских лидеров стала реакция на общерегиональную турбулентность со стороны США, их главного гаранта безопасности, воспринятая в Абу-Даби как демонстрация ненадежности американских гарантий.

С начала 2010-х гг. ОАЭ начинают все больше действовать самостоятельно и инициативно в целях обеспечения собственной и региональной безопасности. И в условиях трансформации баланса сил на Ближнем Востоке и в Северной Африке к середине десятилетия становятся одним из ключевых региональных игроков, способным проецировать силу далеко за пределы своих границ. В 2010-е гг. основные усилия по стабилизации региона были направлены на борьбу с исламистами (что выражалось в поддержке авторитарных антиисламистских лидеров, например, в Ливии и Египте, силовых кампаниях против исламистских радикалов в сотрудничестве с Египтом и Францией в Сахеле, лидирующей роли ОАЭ среди арабских стран в коалиции под руководством США против ИГИЛ) и сдерживание растущего – «дестабилизирующего», в понимании Абу-Даби, – влияния Турции с ее внешнеполитическими амбициями и военно-политическим исламистским тандемом с Катаром.

Военный компонент с этого времени становится одним из важнейших составляющих внешнеполитического инструментария ОАЭ. Стремительно возросли закупки современных вооружений и военной техники, достигнув пика в 25,5 млрд долл. в 2014 г.¹ (второй после Саудовской Аравии показатель среди арабских стран), расширялся круг партнеров в военно-технической и оборонной сферах как из числа западных государств, так и в Азии и Латинской Америке². Кроме того, малая монархия начала в отдельных случаях выступать не как потребитель, а как «провайдер» безопасности³ посредством оказания военной помощи своим региональным союзникам, в том числе через прямое вмешательство своих вооруженных сил, обеспечение боевой подготовки кадров, поставки вооружений, техники и даже наемников, а также создание собственных военных баз, например, в Ливии и на Африканском Роге⁴. Помимо этого, эмиратское руководство поставило задачу локализации производства оружия и военной техники на своей территории, что наряду с общей диверсификацией международных военно-политических, экономических и культурных связей со странами Европы, Латинской Америки, Африки, Индо-Тихоокеанского региона и Центральной Азии способствует укреплению самостоятельности ОАЭ на международной арене и снижению зависимости от США.

Несмотря на то, что США остаются – и останутся в обозримой перспективе – главным партнером ОАЭ в сфере обороны, эмиратское руководство по мере

1 "Military Expenditure by Country, in Constant (2018) US\$ m., 1988–2019 (see below for 1999–2009)," SIPRI, 2020, accessed January 21, 2024, <https://www.sipri.org/sites/default/files/Data%20for%20all%20countries%20from%201988%E2%80%932019%20in%20constant%20%282018%29%20USD.pdf>.

2 Sherwood 2017.

3 Shahrour 2020.

4 Ibish 2017.

укрепления международных позиций все увереннее отстаивает свое право на независимый внешнеполитический курс, высказывает критику в отношении некоторых аспектов американской политики на Ближнем Востоке (как это было в ходе вторжения США в Ирак в 2003 г.)¹, демонстрирует возмущение попытками Вашингтона вмешиваться во внутренние дела монархии (что, в частности, выразилось в отказе Абу-Даби согласиться на требования администрации Дж. Байдена увеличить добычу нефти в нарушение договоренностей в рамках «ОПЕК+» в 2022 г.) и действует вопреки недовольству США (например, с 2014 г. в Ливии и с 2015 г. в Йемене)². Аналогичным образом в отношениях и со своим главным региональным партнером Саудовской Аравией ОАЭ демонстрируют готовность отстаивать свои интересы, даже если это приводит к возникновению конфликтных ситуаций (например, в области регулирования нефтедобычи или в йеменском конфликте, где противоречия достигали уровня прямых вооруженных столкновений между эмиратскими и саудовскими прокси).

Примечательно, что, несмотря на рост напористости региональной политики ОАЭ, фактически реализуемой занимающим на тот момент пост наследного принца Мухаммедом бин Зайидом, прагматизм оставался неотъемлемой частью эмиратской внешнеполитической идентичности. Так, в отношении Ирана, который традиционно воспринимается как источник потенциальных угроз, ОАЭ с начала 2000-х гг. сделали ставку на экономическое «вовлечение» и, опираясь на исторические торговые связи и проживающую в монархии почти полумиллионную иранскую диаспору³, стали вторым после Китая крупнейшим торговым партнером Исламской республики⁴. Дубай же и вовсе в условиях антииранских санкций является «главным окном в глобальную экономику»⁵ для соседа. В свою очередь, для Турции, даже на фоне заметного сокращения экономических связей в ходе региональной эскалации между двумя странами во второй половине 2010-х гг., ОАЭ оставались и остаются крупнейшим торговым партнером среди монархий Залива⁶. В 2020 г. малая монархия подписала соглашение о нормализации отношений с Израилем, в основе которого в первую очередь лежали интересы собственного экономического – в том числе технологического – развития и процветания.

Демонстрируя решительную готовность применять силу в критических с точки зрения своей и региональной безопасности ситуациях, эмиратское руководство осознает, что реализация их жизненно важных интересов требует сотрудничества с сильными партнерами, что обуславливает приверженность малой монархии расширению взаимодействия с различными региональными и международными блоками и альянсами⁷ – как путем встраивания в существующие, так

1 Shahrour 2020.

2 Sherwood 2017.

3 Ibish 2017.

4 "UAE-Iran Trade and Business Activity Surges Post Easing of Restrictions," *Transport and Logistics. Middle East*, September 15, 2023, accessed January 21, 2024, <https://www.transportandlogisticsme.com/global-news/uae-iran-trade-and-business-activity-surges-post-easing-of-restrictions>.

5 Sherwood 2017.

6 Nader Habibi, "Turkey's Economic Relations with Gulf States in the Shadow of the 2017 Qatar Crisis," *Crown Center for Middle East Studies*, December, 2019, accessed January 21, 2024, <https://www.brandeis.edu/crown/publications/middle-east-briefs/pdfs/101-200/meb132.pdf>.

7 Ibish 2017; Sherwood 2017.

и посредством создания новых форматов. В частности, в рамках ССАГПЗ осуществляется регулярный диалог с США, Россией, ЕС, а в 2005 г. ОАЭ присоединились к Стамбульской инициативе сотрудничества монархий Залива с НАТО. С 2008 г. страна является участником Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА), с 2023 г. – партнером по диалогу Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), с января 2024 г. – членом БРИКС. ОАЭ активно участвуют в деятельности «Группы 20», формально не являясь ее участником, выражают интерес к расширению многостороннего сотрудничества в формате китайской инициативы «Один пояс, один путь», а в 2023 г. присоединились к инициативе создания экономического коридора Индия – Ближний Восток – Европа (*India – Middle East – Europe Economic Corridor, IMEC*).

Эмиратские лидеры многократно и на разных площадках подчеркивают свою приверженность принципам многосторонности, «конструктивному диалогу, который развивается на различных платформах, где представлены одновременно развитые и развивающиеся страны», «поддержанию сбалансированных стратегических и экономических отношений», сотрудничеству во имя «мира, безопасности и процветания» в глобальном масштабе¹, акцентируя свой отказ «выбирать сторону между великими державами»².

Кроме того, малая монархия видит себя ключевым звеном в выстраиваемой ею трансрегиональной системе «взаимосвязанности»³, иницируя создание новых «малосторонних» (*minilateral*) форматов сотрудничества⁴. Примером таких форматов с ограниченным количеством заинтересованных участников и узкой повесткой стали *I2U2* (сформированный в 2021 г. ОАЭ, Израилем, Индией и США), Негевский форум (объединивший в 2022 г. ОАЭ, Бахрейн, Египет, Марокко, Израиль и США), трехсторонняя инициатива Франции – ОАЭ – Индии (провозглашенная в 2023 г.).

Между тем главным воплощением приверженности ОАЭ принципу встроенности в глобальную экономику и статуса одного из ключевых звеньев сетей «взаимосвязанности» представляется центральное в регионе положение малой монархии в сфере мировой торговли и логистики.

Еще первое поколение лидеров Абу-Даби и Дубая сделали ставку на развитие торгового и финансового потенциала, используя приток нефтедолларов для выстраивания логистической и коммерческой инфраструктуры, банковского сектора и инвестиционных механизмов. В 1976 г. был основан суверенный фонд *Abu Dhabi Investment Authority (ADIA)*, в 1985 г. в Дубае создана авиакомпания *Emirates*, а в порте Джебель Али была открыта первая и крупнейшая в регионе свободная экономическая зона. Уже к началу 2000-х гг. ОАЭ стали самой глобализированной, третьей по величине арабской экономикой и крупнейшим инвесто-

1 См., например: “United Arab Emirates joins BRICS Group,” UAE Ministry of Foreign Affairs, August, 25, 2023, accessed February 12, 2024, <https://www.mofa.gov.ae/en/mediahub/news/2023/8/25/25-8-2023-uae-brics>.

2 См., например: “Speech on the UAE’s Foreign Policy Delivered by H.E. Dr Anwar Gargash at the 2022 Abu Dhabi Strategic Debate,” UAE Ministry of Foreign Affairs, December 6, 2022, accessed February 12, 2024, <https://www.mofa.gov.ae/en/mediahub/news/2022/12/6/06-12-2022-uae-speech>.

3 “Khalifa bin Zayed’s Succession in the UAE: An Old New Course?” ISPI, May 18, 2022, accessed January 21, 2024, <https://www.ispionline.it/en/publication/khalifa-bin-zayed-s-succession-uae-old-new-course-35084>.

4 Narayanappa Janardhan and Gedaliah Afterman, “New UAE-India Economic Deal Opens the Door for Minilateral Partnership with Israel,” AGSIW, March 2, 2022, accessed January 21, 2024, <https://agsiw.org/new-uae-india-economic-deal-opens-the-door-for-minilateral-partnership-with-israel/>.

ром, а эмират Дубай в самостоятельном качестве к началу 2010-х гг. превратился в глобальный хаб коммерции и туризма. Лидер монархии Мухаммед бин Зайид, архитектор масштабных стратегий социально-экономических реформ, разработанных и начавших реализовываться с конца 2000-х гг., инкорпорировал «дубайскую модель» в общее видение развития монархии с целью превращения ОАЭ в «доминирующую геоэкономическую силу западной части Индийского океана», «осевое государство», важнейший узел мировой торговли, «связывающий производителей и потребителей Ближнего Востока, Африки и Азии друг с другом и с остальными частями мира»¹.

Сегодня на территории ОАЭ функционирует более 40 свободных экономических зон, специализирующихся в различных сферах от безопасности, коммерции и энергетики до высоких технологий, медиа и дизайна. Малая монархия располагает более 10 аэро- и морскими портами, в их числе один из крупнейших в регионе международный аэропорт в Дубае и входящий в десятку крупнейших в мире порт Джебель Али. В стране имеется шесть собственных основных авиалиний, в том числе региональные лоукостеры и международные лидеры – крупнейшая в регионе *Emirates*, а также *Etihad Airways*.

Однако главным проявлением встроенности ОАЭ в мировые логистические цепочки на правах значимого транспортного узла представляется сформированная с 2005 г. усилиями *DP World* (базирующегося в Дубае одного из крупнейших мировых портовых операторов) географически диверсифицированная сеть, связывающая более 80 терминалов в более чем 50 странах на шести континентах с дубайским Джебель Али. Эти морские и речные порты не только служат продвижению эмиратских экономических интересов в глобальных масштабах, но и нередко могут использоваться для базирования ВВС и ВМС малой монархии² и ее союзников. В то же время разрастание глобальной эмиратской сети оперируемой *DP World* и *Abu Dhabi Ports Group* портовой инфраструктуры диктует одним из важнейших направлений внешней политики обеспечение безопасности не только стран-партнеров, но и международных морских транспортных путей – еще одну задачу, которую Абу-Даби в 2010-х гг. начинает отстаивать более явно, вовлекаясь, например, в операции по борьбе с пиратством в Индийском океане, а также конфликты в Йемене и на Африканском Роге³.

Относительно новым инструментом включения ОАЭ в мировую торговлю стала серия двусторонних соглашений о всеобъемлющем экономическом партнерстве (*Comprehensive Economic Partnership Agreement – CEPA*): с 2022 г. подобные документы были подписаны с Индией, Израилем, Индонезией и Турцией, ведутся переговоры о заключении соглашений с Австралией, Колумбией, Кенией, Грузией, Камбоджей – всего к 2031 г. планируется подписать *CEPA* с 22 странами и экономическими блоками⁴. Кроме того, все три эмиратских инвестиционных фонда входят в список 15 крупнейших суверенных фондов мира, а *ADIA* в 2023 г.

1 Miller, Verhoeven 2020.

2 Ibid.

3 Ibid 2017.

4 Sarmad Khan, "UAE's Foreign Trade Set to Hit Almost \$600bn in 2022," The National News, December 7, 2022, accessed January 21, 2024, <https://www.thenationalnews.com/business/2022/12/07/uaes-foreign-trade-set-to-hit-almost-600-billion-in-2022/>.

стал вторым по объемам активов¹, общая географическая картина распределения которых весьма разнообразна и покрывает как развитые, так и развивающиеся экономики на разных континентах.

Таким образом, приоритизация задач обеспечения стабильности и экономического процветания внутри страны определила базовые принципы самопозиционирования малой монархии Залива в регионе и мире. ОАЭ видят себя влиятельным региональным военно-политическим игроком, активно участвующим в выстраивании архитектуры системы безопасности на Ближнем Востоке, энергичным участником глобальных трансформаций мироустройства, а также неотъемлемой частью мировой экономики в качестве одного из ключевых звеньев сети «взаимосвязанности», трансрегиональных логистических цепочек и финансовых потоков. При этом отдельное внимание отводится продвижению своего имиджа как прогрессивного государства.

Международный престиж

В бедуинской культуре, которая имела важное значение в формировании эмиратской политической идентичности, большая роль традиционно отводится репутации лидера как заботящегося о людях, щедрого правителя². Во внешней политике этот принцип воплотился в масштабной благотворительной деятельности ОАЭ на международной арене, закрепившей за малой монархией репутацию одного из главных доноров гуманитарной помощи в мире³. Основатель и первый президент ОАЭ Шейх Зайид провозгласил одной из ключевых составляющих эмиратской внешней политики предоставление гуманитарной помощи, на которую в 1970-х – 1980-х гг. приходилось до 10% ВВП страны и которая преимущественно направлялась в арабские страны⁴.

По мере интернационализации внешнеполитической активности и роста глобальных амбиций ОАЭ за пределами Ближнего Востока расширялась и география распределения донорской помощи, фокус которой все больше смещался на неарабские и немусульманские страны Глобального Юга⁵. Параллельно с этим институционализировалась политика донорства: создавались механизмы предоставления помощи, главным из которых является *Abu Dhabi Development Fund*, разрабатывались программы и стратегии, малая монархия активно включилась в работу ряда международных государственных и негосударственных организаций (в первую очередь ООН) по предоставлению официальной помощи в целях развития (*official development assistance*).

В более широком смысле гуманитарная активность ОАЭ сформулирована как «продвижение дипломатии» и «содействие международному сотрудничеству» в стратегии «Мы – ОАЭ 2031» как одна из четырех ее основ и подразумева-

1 "Leading Sovereign Wealth Funds (SWF) Worldwide in 2023, by Assets under Management (AUM)," Statista, June, 2023, accessed January 21, 2024, <https://www.statista.com/statistics/1390087/leading-sovereign-wealth-funds-swf-worldwide-by-assets-under-management/>.

2 Звягельская 2024.

3 Antwi-Boateng, Binhuwaidin 2017.

4 Warren 2021.

5 "United Arab Emirates. Foreign Aid 2020," Ministry of Foreign Affairs and International Cooperation, accessed January 21, 2024, https://www.mofaic.gov.ae/-/media/UAE%20Foreign%20Aid%20Report%202020_EN.

ет становление малой монархии в качестве «глобальной силы во имя развития и стабильности». Это направление эмиратской внешней политики воплотилось наиболее ярко в ходе обострения украинского кризиса и эскалации напряженности между Россией и Западом с 2022 г., в частности, в активной посреднической деятельности ОАЭ (как, впрочем, и Саудовской Аравии и Катара) по вопросу обмена пленных между Москвой и Вашингтоном и Москвой и Киевом, укрепляя международный статус и авторитет малой монархии.

Характерно, что даже с ростом значимости силового компонента эмиратская внешняя политика сохраняет приверженность гуманитарным принципам, о чем также многократно с разных площадок заявляют лидеры и чиновники малой монархии¹. Так, в Афганистане, где вооруженные силы ОАЭ играли весомую роль в деятельности возглавляемой США коалиции против талибов, малая монархия внесла большой вклад в восстановление образовательных и здравоохранительных учреждений и гражданской инфраструктуры². Аналогичным образом в ходе своего активного участия в военной кампании в Йемене с 2015 г. ОАЭ реализовали на юге страны десятки проектов по реконструкции энергетических сетей и школ³.

Не менее значимым компонентом международного престижа и имиджа ОАЭ как прогрессивного государства является модернизация национальной экономики. Эта модернизация подразумевает не только экономическую диверсификацию и снижение доли нефтяного сектора, но и внедрение новейших технологий и инноваций во всех сферах жизни, развитие высококвалифицированного человеческого капитала, поощрение предпринимательства, частных инициатив и создание привлекательной бизнес-среды – построение «конкурентной экономики знаний»⁴. Все эти задачи нашли отражение в глобальных и амбициозных стратегиях социально-экономического развития малой монархии – «Видение 2021» (2011), «Программа столетия 2071» (2017), «Принципы 50» (2021) и «Мы – ОАЭ 2031» (2022). Их реализация призвана укрепить «глобальный имидж ОАЭ» как главного «направления для бизнеса, туризма, производства, инвестиций и культурного превосходства», центра концентрации специалистов в различных сферах⁵.

Сегодня малая монархия занимает первое место в мировом рейтинге по привлечению талантов⁶ и лидирующие позиции среди арабских стран с точки зрения экономической конкурентности, инвестиционной привлекательности⁷, удобства ведения бизнеса, а также развитости человеческого капитала. В 2023 г. ОАЭ – единственное арабское государство, вошедшее в десятку наиболее влиятельных

1 См., например: "His Highness Sheikh Mohamed bin Zayed Keynote Remarks at the 2015 Government Summit in Dubai," UAE Embassy, Washington, D.C., February 13, 2015, accessed February 12, 2024, <https://www.uae-embassy.org/news/his-highness-sheikh-mohamed-bin-zayed-keynote-remarks-2015-government-summit-dubai>.

2 Sherwood 2017.

3 Shahrour 2020.

4 "National Agenda," The Cabinet. United Arab Emirates, accessed January 21, 2024, <https://uaecabinet.ae/en/national-agenda>.

5 "The Principles of the 50," U.AE, accessed January 21, 2024, <https://u.ae/en/about-the-uae/uae-in-the-future/initiatives-of-the-next-50/the-principles-of-the-50>.

6 "UAE Ranked Number 1 in World for Talent Attractiveness and More," Arabian Business, May 12, 2023, accessed January 21, 2024, <https://www.arabianbusiness.com/culture-society/uae-ranked-number-1-in-world-for-talent-attractiveness-and-more>.

7 "UAE Ranks First Among Arab Economies in Competitiveness," Emirates News Agency, December 22, 2023, accessed January 21, 2024, <https://wam.ae/article/aq9klgm-uae-ranks-first-among-arab-economies>.

стран в индексе «Глобальной мягкой силы»¹, а три эмиратских университета попали в список 20 вузов планеты с наибольшей долей иностранных студентов². Малая монархия является мировым лидером по количеству кампусов зарубежных университетов, крупнейшие из которых – Нью-Йоркский университет и Сорбонна³. ОАЭ удерживают второе (после Израиля) место в регионе по показателю расходов на НИОКР относительно ВВП и являются региональным лидером в области исследований космоса с наиболее прогрессивной космической программой⁴ и инициативами по активизации межарабского сотрудничества в данной сфере.

Кроме того, по оценке европейского исследовательского центра Euromonitor, Дубай в 2021–2023 гг. занимает второе место в списке самых привлекательных туристических направлений в мире⁵. В стране проводятся масштабные спортивные мероприятия, такие как автогонки «Формула 1» и теннисный чемпионат Дубая, расширяется сеть культурных учреждений, в первую очередь музеев, а к созданию облика городов приглашаются современные архитекторы со всего мира.

Неотъемлемым элементом формируемого эмиратским руководством имиджа страны как современного государства, прогрессивного и ответственного члена международного сообщества является продвигаемая ОАЭ повестка «зеленой» энергетики, защиты окружающей среды и устойчивого развития. Еще в 1999 г. был учрежден Международный фонд защиты окружающей среды, каждые два года вручающий одноименную награду за достижения в данной сфере. Оставаясь одним из мировых лидеров по объему выбросов углекислого газа на душу населения, ОАЭ реализует ряд «зеленых» инициатив, наиболее амбициозными из которых стали заявленная цель монархии обеспечивать половину своих потребностей в энергии за счет возобновляемых источников и «превращение государства в глобальный хаб и успешную модель новой зеленой экономики»⁶. В 2023 г. Дубай стал местом проведения Конференции ООН по изменению климата (COP28).

Наконец, ОАЭ активно продвигает свой международный имидж как поборника принципа толерантности и сосуществования⁷, прежде всего религиозного. Продиктованная потребностями обеспечения внутренней безопасности страны (более 80% населения составляют мигранты из Европы и Южной Азии), эта повестка стала основой для продвижения эмиратскими лидерами образа монархии как «модели цивилизованного поведения»⁸, а также улучшения глобального имиджа исламской религии. В стране действуют министерство толерантности,

1 Udzhukhu 2023.

2 Angel Tesorero, "3 UAE Universities Top Global Rankings with Highest Percentage of International Students," Khaleej Times, June 6, 2023, accessed January 21, 2024, <https://www.khaleejtimes.com/uae/education/3-uae-universities-top-global-rankings-with-highest-percentage-of-international-students>.

3 Antwi-Boateng, Binhuwaidin 2017.

4 Мелкумян 2022.

5 "Euromonitor International's Report Reveals World's Top 100 City Destinations for 2023," Euromonitor International, December 13, 2023, accessed January 21, 2024, <https://www.euromonitor.com/press/press-releases/dec-2023/euromonitor-internationals-report-reveals-worlds-top-100-city-destinations-for-2023>.

6 Antwi-Boateng, Binhuwaidin 2017.

7 "The UAE's Aid to Foreign Countries," U.AE, accessed January 21, 2024, <https://u.ae/en/information-and-services/charity-and-humanitarian-work/the-uae-aid-to-foreign-countries>.

8 Kourgiotis 2020.

международный институт толерантности, запущена Национальная программа толерантности, проводятся Мировой форум толерантности, а также Форум по продвижению мира в мусульманских обществах. На территории ОАЭ, помимо мечетей, функционируют христианские церкви, буддистские и индуистские храмы, иудейская синагога.

Продвижение на глобальной арене престижа малой монархии как прогрессивного государства, помимо своей самостоятельной значимости, играет инструментальную роль. Так, международная благотворительная деятельность ОАЭ служит в том числе способом проникновения и закрепления их военно-политического и экономического присутствия в различных странах и регионах мира. Модернизация экономики работает на реализацию очевидных целей национального развития и привлечения их финансового и кадрового обеспечения. В свою очередь, закрепление за ОАЭ репутации мусульманского государства, в котором «гармонично сосуществуют принципы шариата и современные нормы»¹, выступает идейной опорой традиционной борьбы руководства монархии со всеми формами политизации ислама (в лице как умеренных исламистов, так и радикалов), которая, в свою очередь, в отдельных случаях служит прикрытием для сдерживания любой внутренней оппозиции эмиратскому правителю.

* * *

Сформированная прогрессивными отцами-основателями и новым амбициозным поколением лидеров ОАЭ модель внешнеполитического самопозиционирования предопределила ведущее положение малой монархии на региональной и международной арене как одного из ключевых игроков военно-политических процессов на Ближнем Востоке, влиятельного актора мировой торговли и финансов, значимого звена глобальных логистических цепочек, инновационного и продвинутого государства с активной гуманитарной повесткой. Все эти элементы самопозиционирования позволили малой монархии «интегрироваться в систему глобального управления и экономики преимущественно на своих условиях»², эффективно служа реализации интересов национального социально-экономического развития и обеспечения безопасности.

Не претендуя на единоличное лидерство, продвигающее собственную модель политического устройства (что свойственно, например, Саудовской Аравии, Ирану, Турции), и не стремясь – в попытках самоутверждения – бросить вызов сильным соседям (как это успешно делал Катар с 1990-х гг.), ОАЭ сформулировали свою особую внешнеполитическую идентичность. Ее основными компонентами представляются прагматизм, гармоничное сочетание консервативных методов в управлении с ценностями космополитизма и отстаивания независимости с выстраиванием сетей взаимосвязанности, высокая адаптивность к изменениям баланса сил, приоритезация целей социально-экономического процветания, а также активная публичная дипломатия, утверждающая международный престиж малой монархии и нивелирующая внешние угрозы и нелицеприятные моменты внутреннего развития.

1 Antwi-Boateng, Binhuwaidin 2017.

2 Ulrichsen 2012.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Ближний Восток: Политика и идентичность. Коллективная монография / под ред. И.Д. Звягельской. ИМЭМО РАН. М.: «Аспект Пресс», 2020.

Middle East: Politics and Identity. Collective monograph. Edited by Irina D. Zvyagelskaya. IMEMO, Moscow: Aspekt Press, 2020 [In Russian].

Звягельская, И.Д., Богачева, А.С., Давыдов, А.А., Ибрагимов, И.Э., Самарская, Л.М., Свистунова, И.А., Сурков, Н.Ю. Политическая идентичность и ее влияние на внешнюю политику государств Ближнего Востока // *Восток (Oriens)*. 2020. № 2. С. 55–73. <https://doi.org/10.31857/S086919080009039-9>.

Zvyagelskaya, Irina D., Bogacheva, Anastasiya S., Davydov, Alexey A., Ibragimov, Ibragim E., Samarskaya, Lyudmila M., Svistunova, Irina A., and Nikolay Yu. Surkov. "Political Identity and its Impact on the Foreign Policy of the States of the Middle East." *Vostok (Oriens)*, no. 2 (2020): 55–73 [In Russian].

Звягельская, И.Д., Кожанов, Н.А., Свистунова, И.А., Сурков, Н.Ю. Государства Ближнего Востока в поисках внешнеполитической идентичности (Турецкая, иранская и саудовская модели) // *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. Т. 63. № 9. С. 93–103.

Zvyagelskaya, Irina D., Kozhanov, Nikolay A., Svistunova, Irina A., and Nikolay Yu. Surkov. "States of the Middle East in Search of Foreign Policy Identity (Turkish, Iranian and Saudi Models)." *World Economy and International Relations* 63, no. 9 (2019): 93–103 [In Russian].

Звягельская, И.Д. Лидерство в арабском мире: от революций к переосмыслению // *Мировая экономика и международные отношения*. 2024. Т. 68. № 1. С. 62–73. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2024-68-1-62-73>.

Zvyagelskaya, Irina D. "Leadership in the Arab World: From Revolution to Redefinition." *World Economy and International Relations* 68, no. 1 (2024): 62–73 [In Russian].

Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля / отв. ред. И.С. Семенов; ИМЭМО РАН. М.: Издательство «Весь мир», 2023.

Identity: The Individual, Society, and Politics. New Outlines of the Research Field. Edited by Irina S. Semenenko. IMEMO, Moscow: Ves Mir, 2023 [In Russian].

Кузнецов, В.А. От Океана до Залива: идентичность одного региона в условиях неомодерна // *Вестник Московского Университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика*. 2019. Т. 11. № 2. С. 9–39.

Kuznetsov, Vasily A. "From the Ocean to the Gulf: One Region's Identity in the Context of Neomodernity." *Bulletin of Moscow State University. Series 25. International Relations and World Politics* 11, no. 2 (2019): 9–39 [In Russian].

Мелкумян, Е.С. Изменение подходов Совета сотрудничества арабских государств Залива к проблемам безопасности после «арабской весны» // *Вестник Московского университета. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика*. 2021. № 4. С. 105–130. <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2021-13-4-105-130>.

Melkumyan, Elena S. "The Evolution of the Gulf Cooperation Council Approaches to Security Issues after the Arab Spring." *Moscow University Bulletin of World Politics* 13, no. 4 (2021): 105–130 [In Russian].

Мелкумян, Е.С. Космическая деятельность ОАЭ: разрушение стереотипов // *Мировая экономика*

и международные отношения. 2022. Т. 66. № 5. С. 78–87. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-5-78-87>.

Melkumyan, Elena S. "United Arab Emirates Space Activity: Breaking the Stereotypes." *World Economy and International Relations* 66, no. 5 (2022): 78–87 [In Russian].

Мелкумян, Е.С. Развитие арабских монархий Залива: прорыв в будущее // *Азия и Африка сегодня*. 2020. № 2. С. 37–42. <https://doi.org/10.31857/S032150750008471-0>.

Melkumyan, Elena S. "Development of Arab Gulf Monarchies: Breakout to Future." *Asia and Africa Today*, no. 2 (2020): 37–42 [In Russian].

Политическая идентичность и политика идентичности. В 2-х томах / отв. ред. И.С. Семенов. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011–2012.

Political Identity and Identity Politics, edited by Irina S. Semenenko. M.: Rossiiskaia politicheskaia entsiklopediia (ROSSPEN), 2011–2012 [In Russian].

Прохоренко, И.Л. Внешнеполитическая идентичность // *Идентичность: личность, общество, политика. Энциклопедическое издание* / отв. ред. И.С. Семенов / ИМЭМО РАН. М.: Издательство «Весь мир», 2017. С. 465–468.

Prokhorenko, Irina L. "Foreign Political Identity." In *Identity: The Individual, Society, and Politics. An Encyclopedia*, edited by Irina S. Semenenko, 465–468. Moscow: Ves mir, 2017 [In Russian].

Семенов, И.С. Политика идентичности и политическая идентичность // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. 2011. Т. 7. № 2. С. 5–24.

Semenenko, Irina S. "Political Identity and Identity Politics." *Political expertise: POLITEX* 7, no. 2 (2011): 5–24 [In Russian].

Analyzing Identity: Cross-Cultural, Societal and Clinical Contexts. Edited by Wendy Saunderson and Peter Weinreich. London: Routledge, 2003.

Antwi-Boateng, Osman, and Binhuwaidin, Mohammed. "Beyond Rentierism: The United Arab Emirates' Exceptionalism in a Turbulent Region." *Contemporary Arab Affairs* 10, no. 4 (2017): 522–536. <https://doi.org/10.1080/17550912.2017.1399640>.

Dalglish, Bregham. "Problematizing the Political Theory of Identity Politics: Towards an Agonistic Freedom." *KRITIKE* 7, no. 1 (2013): 69–95.

Fahik, Ali, and Rasha Khayat. "Social Identity, Confidence in Institutions, and Youth: Evidence from the Arab Spring." *Social Science Quarterly* 103, no. 5 (2022): 997–1018. <https://doi.org/10.1111/ssqu.13179>.

Gulf Cooperation Council Culture and Identities in the New Millennium. Edited by Magdalena Karolak and Nermin Allam. Singapore: Palgrave Macmillan, 2020. <https://doi.org/10.1007/978-981-15-1529-3>.

Hussein. *The UAE's Evolving National Security Strategy.* The Arab Gulf States Institute in Washington (AGSIW), Issue Paper No. 4, 2017.

Identity Politics in the Age of Globalization. Edited by Roger Coate and Markus Thiel. Boulder: First Forum Press, 2010.

Kourgiotis, Panos. "'Moderate Islam' Made in the United Arab Emirates: Public Diplomacy and the Politics of Containment." *Religions* 43, no. 11 (2020). <https://doi.org/10.3390/rel11010043>.

Miller, Rory, and Harry Verhoeven. "Overcoming Smallness: Qatar, the United Arab Emirates and Strategic Realignment in the Gulf." *International Politics* 57 (2020): 1–20. <https://doi.org/10.1057/s41311-019-00180-0>.

Roberts, David. "Qatar and the UAE: Exploring Divergent Responses to the Arab Spring." *Middle East Journal* 71, no. 4 (2017): 544–562. <https://doi.org/10.3751/71.4.12>.

Shahrour, Karam. *The Evolution of Emirati Foreign Policy (1971-2020): The Unexpected Rise of a Small State with Boundless Ambitions*. Kuwait Program at Sciences Po, 2020.

Sherwood, Leah. "Risk Diversification and UAE Foreign Policy." In *The Small Gulf States. Foreign and Security Policies before and after the Arab Spring*, edited by Khalid Almezaini and Jean-Marc Rickli, 144–167. London: Routledge, 2017.

Udzhukhu, Darina. "Education as a Tool of the UAE's Soft Power." *Young Scientist*, no. 48 (2023): 475–478.

Ulrichsen, Kristian. *Small States with a Big Role: Qatar and the United Arab Emirates in the Wake of the Arab Spring*. HH Sheikh Nasser al-Mohammad al-Sabah Publication Series no. 3, 2012.

Ulrichsen, Kristian. *The United Arab Emirates: Power, Politics, and Policymaking*. Routledge, 2017.

Watkins, Jessica. "Identity Politics, Elites and Omnibalancing: Reassessing Arab Gulf State Interventions in the Uprisings from the Inside out." *Conflict Security and Development* 20, no. 5 (2020): 653–675. <https://doi.org/10.1080/14678802.2020.1820162>.

Warren, David H. *Rivals in the Gulf: Yusuf al-Qaradawi, Abdullah Bin Bayyah, and the Qatar-UAE Contest over the Arab Spring and the Gulf Crisis*. Routledge, 2021.

Сведения об авторе

Татьяна Иршатовна Тюкаева,

к.полит.н., научный сотрудник Лаборатории «Центр ближневосточных исследований»

ИМЭМО имени Е.М. Примакова РАН РФ

117997, Россия, Москва, ул. Профсоюзная, 23

e-mail: tatyana-tyukaeva@yandex.ru

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 25 января 2024.

Переработана: 22 февраля 2024.

Принята к публикации: 28 февраля 2024.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Тюкаева, Т.И. Внешнеполитическая идентичность ОАЭ: авторитаризм, космополитизм, «взаимосвязанность» // *Международная аналитика*. 2024. Том 15 (1). С. 136–153.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-1-136-153>

UAE Foreign Policy Identity: Authoritarianism, Cosmopolitanism, Connectivity

ABSTRACT

The article explores the phenomenon of the foreign policy identity of the UAE, an oil-producing nation in the Persian Gulf that has managed to overcome the constraints of its smallness and assert its prestige on a global scale. The study aims to identify historic and cultural basis of the shaping of this identity, the monarchy's perception of threats and challenges and its ways of dealing with them, the role of political leadership and how their personal views and ambitions shape the contours of the country's self-positioning as well as the use of the foreign policy identity in implementing national interests. The author discovers that the core of UAE foreign policy identity was contoured by the founding fathers of the small monarchy and then later developed and adapted by the new generation of ambitious, charismatic, and visionary leaders. The key factor was the fusion of visions of rulers of the two emirates with most economic and political weight in the federation, Abu Dhabi and Dubai, that defined the regional and international status of the UAE as an influential and powerful actor. The paper concludes that the main components of UAE foreign policy identity are pragmatism, prioritization of socioeconomic development and prosperity, perfect combination of conservative governance and cosmopolitanism, the principles of connectivity and integration in global financial and logistic networks and flows, as well as agility in the currently changing balance of power and skillful interpretation of international norms and discourses in promoting its own image and agenda.

KEYWORDS

Gulf small monarchies, UAE, foreign policy identity, Middle East, economic prosperity, connectivity, modernization

Author

Tatiana I. Tyukaeva,

PhD (Polit. Sci.), Research Fellow, Center for Middle East Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO)
23, Profsoyuznaya Str., Moscow, Russian Federation, 117997

e-mail: tatyana-tyukaeva@yandex.ru

Additional information

Received: January 25, 2024. Revised: February 22, 2024. Accepted: February 28, 2024.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

For citation

Tyukaeva, Tatiana I. "UAE Foreign Policy Identity: Authoritarianism, Cosmopolitanism, Connectivity." *Journal of International Analytics* 15, no. 1 (2024): 136–153.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-1-136-153>